

А. В. КОСТИНА
**Предмет
и проблемное
поле глобалистики**

После того как в 1955 г. Основателем кибернетики, американским физиком и математиком фон Нейманом был сформулирован «постулат ограниченной размерности», согласно которому «количественный состав обитателей планеты, энергия их действий имеют предел — планетную сферу, и нарушение предела приводит к коллапсу»¹, в мире произошли кардинальные изменения. Конечно, все они фиксировались глобалистикой, которая вслед за трансформациями мира изменялась и сама — изменялся круг ее проблем, методы и подходы к их решению.

В 1960-1970-е основной акцент в исследованиях был сделан на экологические проблемы, которые возникли в условиях развития западной рыночной модели и поставили под угрозу существование мира как целостности. Это известные всем исследования теоретиков Римского клуба и работы отечественных ученых И. В. Бестужева-Лады, Э. Араба-Оглы, И. Т. Фролова. В 1970-1980-х годах в рамках теории и практики глобального моделирования исследуются состояние и перспективы развития мировой политики и экономики в условиях углубляющихся противоречий на новом этапе НТР.

¹ Сиверц ван Рейзема Я. В. Философия планетаризма. М., 1995. С. 13.

Ключевыми в это время становятся проблемы гонки вооружений и угрозы ядерной войны, а также те проблемы, которые определялись «пределами роста».

Этот период характеризовался оформлением целого ряда отличающихся по своим социально-политическим ориентациям направлений: начиная от силового глобализма, представляющего интересы ТНК и военного бизнеса, консервативных и праворадикальных сил, продолжая умеренно-реалистическим, выражающим интересы партий либерального и реформистского толка, рассматривающим глобальные перспективы развития в духе теорий конвергенции. И заканчивая направлением, связывающим перспективы решения глобальных проблем с социалистической ориентацией развития¹.

На современном, начавшемся в 1990-е годы, этапе глобалистика анализирует принципиально иной мир и качественно иные проблемы, чем те, которыми она занималась в предыдущие периоды своего развития. Эти трансформации мира состоят в следующем:

— во-первых, в радикальном изменении его геополитической структуры, где распад СССР и системы социалистического лагеря привел к нарушению мирового паритета сил;

— во-вторых, в развертывании информационной революции и усилении взаимосвязанности мира посредством формирования электронных экономик, электронных денег, электронных финансовых структур, где доминирующие функции организуются в сетевые структуры в пространстве потоков², а также электронных правительств, функционирующих вне национальных границ;

— в-третьих, в уменьшении значения национального государства как субъекта суверенитета и ослаблении его функций;

— в-четвертых, в ярко проявляющейся тенденции к формированию монокультурного мира;

— в-пятых, в беспрецедентном усилении к концу XX в. роли ТНК в мировой экономике.

Глобальные трансформации мира выражаются также в ставшем очевидным к 1990-м годам крахе проекта модерна и идеологии Просвещения. Это отражается в существенном снижении значимости принципов равенства и справедливости как между членами гражданского общества, так и между государствами. Эммануэль Валлерстайн политико-культурную эпоху, начавшуюся в 1990-х годах прошлого столетия, обозначает как «постлиберальную», знаменующую конец либерализма. Как отмечает автор, та эпоха, «на протяжении которой люди верили в то, что лозунги Французской революции отражают непреложную историческую истину, и если не сейчас, то в самом ближайшем будущем они должны обязательно воплотиться в жизнь»³, закончилась.

Кроме того, современная эпоха как эпоха информационная демонстрирует вырождение основного принципа Просвещения — принципа рационализма — в прогрессизм и технологизм, что приводит сегодня к экологическим катастрофам, разрушению как пространства природы, так и пространства культуры. Сегодня в обществе существует огромный дисбаланс между активностью технологического развития и внутренней духовной пустотой порожденного им потребительского общества и «одномерного» человека.

Наконец, качественное отличие мира, складывающегося на протяжении последних двух десятилетий, состоит в развертывании, начиная с 90-х годов XX в., нового этапа глобализации. Последняя, по существу, означает экономико-политическое преобразование мира, где прежняя система соотношения лидирующих индустриально развитых, индустриализирующихся и экономически отсталых стран сменяется формирующейся единой

¹ См.: Костин А. И. Формирование глобалистики // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003. С. 214–215.

² Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 504.

³ Валлерстайн Э. После либерализма. М., 2003. С. 5.

глобальной экономикой, стратегия и тактика развития которой определяется странами «глобальной триады»: Северной Америки, Европы, Восточной и Западной Азии.

Соответственно этим переменам в самой глобалистике наметилась новая тенденция, показывающая, что сегодня в центре внимания ученых и политиков находится проблема роста взаимозависимости современного мира. В связи с глобализацией расширился и качественно изменился и круг глобальных проблем, среди которых сегодня находятся международный терроризм и организованная преступность, опасность возникновения новых болезней наподобие СПИДа, гиперурбанизация и резко обострившаяся демографическая ситуация и катастрофическая неравномерность плотности населения, приводящая к массовой миграции, что в свою очередь усиливает напряженность в отдельных, как правило, наиболее благополучных регионах.

Вопросы, связанные с растущими противоречиями развития человечества как целостности, обсуждались на «круглых столах» и на секциях, состоявшихся в рамках последних Всемирных философских конгрессов, начиная с форума в Брайтоне (1988), затем — в Москве (1993) и в Бостоне (1988), и заканчивая последним, XXI конгрессом, проходившем в Стамбуле в 2003 г., вектор дискуссий которого определялся его названием — «Философия лицом к мировым проблемам».

Таким образом, глобалистику можно определить как *особую область научных исследований, направленных на изучение сущности, предпосылок, этапов становления и тенденций развития глобализации, а также последствий в виде порождаемых ею глобальных проблем, имеющих общечеловеческую значимость и отражающих весь комплекс взаимодействий людей друг с другом, с обществом и с природой, существующей в условиях антропогенных перегрузок и ис-*

тощения собственных ресурсов; кроме того, глобалистика сегодня выступает как область исследований, формирующая модели управляемого, научно и духовно организованного мира в единстве и взаимодействии трех основных сфер человеческой деятельности — экономической, экологической и социокультурной.

Подобные трансформации глобалистики, отражающие трансформации самого мира, естественным следствием имеют и подвижность ее предметного поля, где уже с 1960-х годов мнение ученых по поводу предмета исследования глобалистики разделилось. В это время достаточно четко выделились границы двух основных подходов — узкого и широкого. Представители первого видели предметом глобалистики изучение актуальных глобальных проблем. Глобальная проблематика определялась ими как «сочетание множества взаимопереплетающихся и взаимосвязанных трудностей и проблем, сформировавших в итоге ту ситуацию, в которой сегодня находится человечество»¹. Основы этого подхода были заложены экспертами Римского клуба. Ими же в научный аппарат была введена и категория «глобальные решения», под которой стали понимать согласованные, всеобъемлющие и одновременные действия, направленные на преодоление глобальных проблем посредством выработки эффективной стратегии и тактики².

Второй подход — более широкий, нацеленный на исследование становящейся целостности человечества. Он достаточно разнообразен и объединяет самые различные концепции. Прежде всего здесь различия представления о самой глобальности, где в области экономических дисциплин, в области изучения международных отношений, в области социологии и истории вырабатывается собственное понимание глобальных феноменов. Но и в тех подходах, где преодолевается частнодисциплинарная трактовка глобальных феноменов, единства представлений

¹ Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М., 1991. С. 11.

² Цит. по: Василенко И. А. Политическая глобалистика. М., 2003. С. 17.

не наблюдается. К примеру, А. Аппадурай и Дж. Нейсбит¹ рассматривают глобализацию как систему «потоков» разных порядков, как совокупность самых различных процессов. М. Уотерс определяет глобализацию как совокупность материальных обменов (в сфере экономики), интернационализации (в политической сфере) и становления глобальной культуры².

В рамках миросистемного подхода, наиболее полно представленного И. Валлерстайном, глобальный мир рассматривается как историческая система, основанная на экспансии капитализма и структурно расчлененная на центр, периферию и полупериферию. В рамках этого подхода сделаны попытки определить такие понятия, как «глобальный способ производства», «глобальный процесс образования классов»³. В рамках интегрального антропосоциогенетического подхода, обоснованного М. Чешковым⁴, ядро глобальной общности образуют социальное, природное и деятельное взаимосотнесенные начала. Соответственно, основную задачу глобалистики ученый видит в комплексном изучении мира при особом внимании к человеку как субъекту деятельности. Цивилизационный или культурологический подход к глобализации, предлагаемый Василенко⁵, предполагает понимание последней как творческого диалога цивилизаций, а саму глобалистику — как науку, предметом которой является исследование процесса глобализации как становления единого взаимосвязанного мира через творческий межкультурный диалог.

Объединяет же оба подхода к предмету глобалистики — первого, более узкого, и второго, широкого, в большей степени направленного на изучение глобальных трансформаций мира и, соответственно, проблем, порождаемых ими, понимание того, что эти

проблемы, возникающие в условиях существования современного мира, выступают как глобальные, и их преодоление предполагает объединение усилий всего человечества.

Итак, глобалистика сегодня — это становящаяся наука, формирующаяся параллельно тем процессам, которые она анализирует. Факт возникновения глобалистики определяется обострившейся реальной ситуацией в стремительно изменяющемся мире, ведущей динамикой которого становится динамика саморазрушения, а также стремлением не только осмыслить объективно осуществляющиеся перемены, но и повлиять на эти процессы, нивелировав их негативные последствия. Именно эти обстоятельства определяют актуальность глобалистики не только как самостоятельного направления научных исследований, но и как учебного курса.

Вместе с тем здесь нельзя не сказать и о тех сложностях, с которыми сопряжено составление курса по глобалистике. И первая из них состоит как раз в том, что глобалистика сегодня — это становящаяся наука, о чем свидетельствует то, что проблемное поле и предмет глобалистики сегодня только складывается. Об этом свидетельствует также и недостаточность комплексных исследований по глобальной проблематике, и отсутствие оформленной системы понятий и категорий (где наряду с общепринятыми — такими, как «глобальные проблемы», «глобальное сознание», «глобальная этика», «пределы роста», «антропогенная нагрузка» — существуют и достаточно специфические, наподобие терминов «глокальность» и «фрагментация»), и наличие разных подходов к феномену глобализации и глобальных проблем, и выработка различными дисциплинами своего понимания глобальных феноменов. Сложный характер объекта исследования и неизбежная междисциплинарность

¹ Naisbitt J. *Mega-Trends 2000*. P., 1990.

² Waters M. *Globalization*. L., 1995.

³ Валлерстайн И. Мир, в который мы вступаем: 2000–2050 гг. М., 2000.

⁴ Чешков М. А. Глобальный контекст постсоветской России. М., 2000.

⁵ Василенко И. А. Политическая глобалистика. М., 2003.

затрудняют установление четких границ предмета научного анализа и методов его изучения.

Кроме того, здесь необходимо иметь в виду, что те явления и процессы, которые анализирует глобалистика, являются переменными и стихийными, включающими разнонаправленные и противоречивые, а порой, взаимоисключающие тенденции. Логика развития этих процессов не подчиняется принципам классического детерминизма и наиболее адекватно может быть исследована при помощи такого метода планетарной философии, как нелинейная диалектика, трактующая развитие как сложный процесс с непредсказуемыми последствиями, допускающая вариатность истины и предполагающая множественность решений¹. Однако, если научный текст не только допускает, но и предполагает дискуссионность и наличие различных взглядов, прогнозов и оценок явления, взаимодополняющих, а иногда — абсолютно противоречивых, то в учебном курсе констатируемое разнообразие мира должно быть уложено в схему законов.

Также представляется необходимым отметить, что трактовка как глобализации, так и глобальных проблем, их динамики, генезиса, типологии, категориального осмысления существенно различается в западной и отечественной глобалистике. Среди западных концепций глобализации на Западе явно выделяются два подхода. Гиперглобалисты (американские исследователи Дж. Най, Р. Кеохане, Т. Фридман, С. Стрейндж, М. Дойл, японский исследователь Кеничи Омае) видят историческую миссию глобализации в том, что она несет блага рыночного капитализма и либеральной демократии. Они выступают апологетами глобализации и провозглашают наступление исторического конца государства-нации как института. Авторы настаивают на том, что произошла переструктуризация мира, где прежняя система международного разделения труда, основанная на

взаимоотношениях между индустриально развитыми мировыми державами — СССР и США, индустриализирующимися и неразвитыми странами, сменилась биполюсной структурой — «победителями» и «побежденными».

Дж. Розенау и Э. Гидденс определяют иной, трансформационный подход, говоря не о формировании единого глобального сообщества, а о длительности, разнонаправленности и противоречивости процессов глобализации. Они не прогнозируют отмирание государства, но, так же, как и первые, считают, что сегодня можно вести речь о становлении новой мировой стратификации, где центр мира будет образован богатыми странами, полупериферия — согласными с созданным первыми порядком, периферия — выброшенными на обочину истории.

Что касается отечественной глобалистики, то можно отметить, что до 1990-х годов она развивалась в рамках марксистской парадигмы и доминирующими здесь были представления об обусловленности глобальных проблем «общим кризисом капитализма». В рамках же новой социальной модели внимание к идеологическому противоборству уступило место акцентированию экономических, культурных, религиозных, национальных разногласий, а на первый план выдвинулись культурно-цивилизационные различия в понимании тенденций и противоречий современного мира.

Наконец, определенную сложность таит в себе и известный экономико-технологический детерминизм в рассмотрении как глобализации, так и порождаемых ею проблем. Поскольку они, в первую очередь, обусловлены экономическими факторами, постольку значительный спектр вопросов, связанных с социокультурными аспектами развития данных феноменов, или освещен в недостаточной степени или не освещен вовсе. Между тем именно они зачастую определяют динамику глобализационных процессов. При-

¹ См.: Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М., 1999.

чина подобного парадоксального невнимания ко многим социокультурным аспектам глобальных процессов — естественность глобализации в области экономики и финансов, но неподчинение логике экономической эффективности самой культуры.

Представляется, что в курс по глобалистике как отрасли знания, изучающей современный мир в его неразрывном единстве и многообразии, целесообразно было бы включить ряд разделов, раскрывающих фундаментальные основы глобалистики, ее теорию и методологию, вскрывающих сущность, основные направления и ведущие ориентиры становления глобального мира. Представляется, что особое внимание в курсе глобалистики целесообразно было бы уделить социокультурным аспектам глобализации, а среди глобальных проблем, рожденных растущей взаимозависимостью мира, выделить не только те, где выявляются угрозы человечеству в виде экологических или техногенных катастроф, но и такие, где фиксируются различные, в том числе культурные аспекты формирования целостности человечества. Такими аспектами выступают сокращение поливариантности культурного и социального развития, культурная гомогенизация, формирование монополярного мира.

Кроме того, подобный подход представляется во многом обоснованным и потому, что глобализация и развитие глобальных процессов представляют собой весьма противоречивый процесс, определяемый как объективными, так и субъективными обстоятельствами, не только логикой экономического, финансового и политического развития, но и — в большей степени — логикой развития культуры, опирающейся на особенное и частичное, а не представляющей генерализацию всеобщего и целого. То есть логика развития культуры во многом сходна с логикой развития процессов глобализации.

Сразу отметим, что такой подход не является общепризнанным. Более того, преобла-

дающее большинство авторов курсов и учебников по глобалистике (пусть их количество исчисляется пока единицами!) вообще не видят зависимости между негативными процессами в экономике, политике, военной сфере и развитием культуры.

Но такой подход к глобалистике и предмету ее изучения является единственно возможным, отвечающим требованиям современности, что подтверждается, в частности, следующим фактом. Для решения проблемы защиты культурной идентичности в 1998 г. ЮНЕСКО разработан междисциплинарный проект «На пути к культуре мира», в котором особое внимание обращено на необходимость сохранения поликультурности современного мира, что говорит о важности сохранения культурного многообразия. Сегодня многие исследования, посвященные глобальным процессам именно в области культуры (это проблемы альтернативных моделей глобализации, региональной субглобализации и особенностей глобализации на периферии), с середины 1990-х годов становятся центральными, привлекающими внимание как общественного, так и научного сознания. В качестве примера можно привести исследования Питера Бергера и Самюэля Хангтингтона, посвященные культурной динамике глобализации. Это исследования, посвященные специфике глобализационных моделей в Китае, Тайване, Японии, Индии, принадлежащие Яньсянь Янь, Синь-Хуань Майклу Сяо, Тамоцу Аоки, Туласи Шринивасу. Это проблемы, посвященные культурной глобализации в Германии, Венгрии, ЮАР, Чили, Турции, освещенные в работах Хансфрида Кельнера, Ханса-Георга Зофнера, Яноша Ковача, Артуро Талаверы, Фуата Кеймана¹.

Между тем ни в одной из названных работ та проблема, которой, собственно, и посвящены данные исследования, — а именно проблема культурной гомогенизации и возникновения монополярного мира — не рассматривается как проблема, имеющая безус-

¹ Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М., 2004.

ловный статус глобальности. И как глобальная проблема комплексному осмыслению она не подвергается. Формирование монополярного мира в качестве глобальной проблемы не воспринимают, в первую очередь, те исследователи, которые настаивают на естественности глобализации в области культуры и говорят как о свершившемся факте — о существовании глобальной культуры. Это, в первую очередь, англоязычные авторы Р. Робертсон, М. Фичерстоун, М. Уотерс, В. Каволис, этой же точки зрения придерживается и отечественный исследователь А. Ф. Зотов¹.

С чем связан этот подход? Скорее всего с пониманием культуры, доминирующим в 1960-е годы XX в. в рамках аксиологической концепции, как совокупности материальных и духовных ценностей, имеющих значимость для индивидов и вырабатываемых в практике. Если трактовать культуру подобным образом, тогда можно вслед за многими исследователями говорить о глобальной культуре. И действительно, подобная точка зрения во многом оправдана объективным существованием общечеловеческих культурных ценностей (архитектурных памятников, музыкальных произведений, шедевров литературы и изобразительного искусства), приобщение к которым сегодня стало возможным благодаря развитию сетевых технологий и массового туризма. Точно так же общечеловеческим достоянием являются и продукты научной деятельности, а сама наука выступает, в определенном смысле, как глобальный феномен. В полном смысле слова глобальной, точнее — наднациональной, является сетевая культура, которая состоит из множества локальных образований, формирующихся не по национально-культурному признаку, а по субъективным интересам и предпочтениям.

Кроме того, существует определенная группа людей, обладающих мировым граж-

данством: это политические деятели, крупные ученые, выдающиеся спортсмены и деятели культуры, в основном же — это крупные бизнесмены и менеджеры высшего звена. Это сообщество достаточно подробно описал М. Кастельс, выделивший в качестве основного признака этой международной элиты доступ к информации. Эта специфическая глобальная, интернациональная культура игнорирует культурное разнообразие, создает определенную идентичность, связанную с принадлежностью к структурам управления информационной экономикой, стремится к «унификации символического окружения», гомогенизации стиля жизни, нивелировке культурных границ².

Но все-таки, представляется, что было бы более верным говорить здесь не о глобальной культуре, а о субкультуре управленческой элиты, как, кстати, и обозначает ее Кастельс. Что же касается явлений культуры, представляющих достояние всего человечества, то о них можно говорить, скорее как о некоем «фонде мировой культуры», как о «культурном посреднике» между различными культурными мирами, благодаря которому и становится возможным диалог и понимание. Таким образом, сама постановка вопроса о глобальной культуре представляется возможной только при достаточно существенных оговорках.

Второй подход к глобализации культуры менее радикален. Здесь глобализация трактуется как процесс, преимущественно цивилизационный, а не культурный, а логика глобализационных процессов в области культуры рассматривается как подчиняющаяся иным законам, нежели в экономике, политике, финансовой сфере. Это связано с тем, что если гомогенизация, универсализация в области цивилизационного материального компонента возможна, то в области духовного содержания весьма проблематична.

¹ Робертсон Р. Глобализация: Социальная теория глобальной культуры. 1992; Featherstone M. (Ed.). *Global Culture, Globalization and Modernity*. L., 1990; Waters M. *Globalization*. L., 1995; Зотов А.Ф. Глобальная культура // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003.

² Кастельс М. Указ. соч. С. 340.

Итак, если рассматривать возникновение монополярного мира как глобальную проблему, то в ней можно выделить ряд следующих аспектов.

Единственным возможным способом взаимодействия культур в современном мире становится их диалог, — т. е. равное партнерство, где в качестве логики понимания другого выступает принцип дополнительности. Между тем, глобализация в том виде, как она существует сегодня, есть, прежде всего, распространение тех принципов, которые определяют специфику развития западного мира — логоцентричного и рационального. Даже лучшие свои постулаты, воплощенные, к примеру, в Декларации прав человека, западный мир навязывал незападному как политические универсалии. Однако ни для кого ни секрет, что ценности, воплощенные в Декларации, остаются абсолютно чуждыми остальному миру, особенно мусульманскому и конфуцианскому. А попытки ООН применить санкции против тех стран, где нарушаются европейские права, зачастую оказываются средством лоббирования эгоистических политических целей лидеров мирового сообщества¹.

Во-вторых, глобализация сегодня выступает как распространение, прежде всего, североамериканской культуры и соответствующей ей системы приоритетов, ценностей, образцов и идеалов. Это и позволяет говорить некоторым исследователям² о том, что глобализация (по крайней мере, в России) выступает в форме американизации. Или даже наоборот, что американизация и есть глобализация. Как известно, этот процесс определяется как объективными причинами, в том числе, экономическим первенством США, так и субъективными, а именно целенаправленным распространением североамериканской культуры как «великого агента

глобализации» (о чем, как известно, писали З. Бжезинский и Р. Стил).

Вместе с культурой распространяются и ценности западной цивилизации и ее мировоззренческая программа, основу которой составляет философия позитивизма и прагматизма с ее принципами инструментализма и операционализма. В основе этой мировоззренческой программы — целесообразная деятельность в качестве определяющей стратегии, инструментальность ценности разума, служащего реализации тактики достижения успеха и признания, отказ от постижения основ бытия в пользу отработки методов разрешения проблемных ситуаций, позволяющих наиболее эффективно адаптироваться к изменяющимся социальным условиям, восприятие истины в качестве относительной субстанции, подчиняющейся интересам настоящего момента, рациональная этика, нацеленная согласно принципу «мелиоризма», на постепенное улучшение социального организма, наконец, ориентация не на духовное содержание личности, а на ее интересы и потребности.

Здесь, конечно, необходимо учитывать, что, несмотря на распространенный миф о неизменной сущности Америки, господствующая идеология в этой стране также подвержена изменениям. К важнейшим процессам П. Престон относит³ снижение значимости классовой структуры общества, становление популистской политики, нарастающую фрагментацию общества, снижение относительной значимости роли США в мировом сообществе. Кроме того, можно констатировать, что в границах любой культуры, основанной на иных принципах, американские ценности усваиваются поверхностно, на уровне показного потребления, ориентированного на принцип удовольствия, а протестантские ценности, что соста-

¹ См.: Василенко И. А. Политическая глобалистика. М., 2003. С. 29.

² Покровский Н. Е. Российское общество в контексте американизации (Принципиальная схема) // Социологические исследования. 2000. №6. С. 5.

³ Престон П. У. Политико-культурная идентичность: граждане и нации в эру глобализации // Глобализация. Контуры XXI века. М., 2002. Т. III. С. 58.

вили некогда основу американской культуры, не воспринимаются вовсе. Причем (и это достаточно парадоксальный факт) орудием борьбы с североамериканским масскультом часто становятся национальные варианты массовой культуры — советская, японская, китайская, индийская и т. п., которые отстаивают собственные системы ценностей и воссоздают собственную картину мира¹.

Третьей тенденцией, сопровождающей формирование монокультурного мира, является резкое падение статуса и области компетенции национального государства с его экономикой, социально-политическими структурами, культурой. Происходящая регионализация в рамках глобальной системы лишила государство монополии на власть. Этот факт как положительный отмечают П. Престон и Б. Нейчман. В частности, последний в своей работе «Четвертый мир: нации против государств» доказывает, что в глобальном масштабе развивается новая политическая архитектура, основывающаяся на культурных границах национальностей, где «государства приходят и уходят, национальности остаются»². Однако подобный этноцентризм свидетельствует не о прогрессе, а, скорее, об архаизации культуры, ее возвращению к до-цивилизационным формам существования.

Очевидно, что нарастающая универсализация культурной жизни не только не способствует формированию монокультурного мира³, но, наоборот, приводит к явлениям локализации, ярким выражением которых сегодня стал принцип мультикультурализма. Как показывают некоторые исследователи, в частности Сейла Бенхабиб, принцип мультикультурализма, означающий практику и политику неконфликтного сосуществования в одном

социальном пространстве многочисленных разнородных культурных сообществ⁴, оказывается не способным к хотя бы частичной нейтрализации нивелирующего влияния глобализации. Более того, сам этот принцип во многом противоречит принципам равенства, либерализма и демократии⁵. Он возвращает национальную культуру к тому времени, когда она существовала в виде этнической культуры, не способной к диалогу и развитию, адекватному требованиям современности.

Разрушение традиций, исчезновение обычаев и обрядов, фиксирующих и транслирующих определенную картину мира, свидетельствует о распадении целой системы представлений, ценностей, социальных связей, которые и составляют своеобразие каждой из национальных культур. Кроме того, эти процессы неизбежно сопровождаются разрушением традиционных механизмов продуцирования и распространения культурных ценностей, что свидетельствует о нарушении естественных процессов воспроизводства культуры. Это четвертая тенденция монополяризации мира.

Пятой является изменение соотношения между высокой специализированной, народной и массовой культурой, где последняя, безусловно, доминирует. Массовая культура управляет и элитарной культурой, и народной культурой, включая их в систему культурной циркуляции только через адаптацию их ценностей к массовому сознанию и превращая их в продукты массового потребления. Массовая культура в процессах глобализации выступает в качестве универсального культурного проекта, основы формирующейся транснациональной культуры, становясь инструментом разрушения национальных культурных традиций, механизмом

¹ О факте отторжения североамериканской массовой культуры свидетельствует, в частности, факт открытия канала «Наше кино».

² Нейчман Б. «Четвертый мир»: нации против государств // Глобализация. Контуры XXI в. М., 2002. Т. III. С. 53.

³ См.: Глобализация и массовая культура: Материалы постоянно действующего семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 3 (26). М., 2003.

⁴ Кирабаев Н. С. Мультикультурализм // Глобалистика: Энциклопедия. М., 2003. С. 640.

⁵ См.: Бенхабиб С. Притязания культуры. М., 2003.

культурной экспансии и (если учитывать политическое и экономическое лидерство США) американизации культуры. Потребляемая повсеместно, эта космополитичная культура проникает сквозь государственные границы, нивелирует национальные особенности и создает культуру гомогенную, массовую, доступную всем и принимаемую всеми, претендующую на роль универсальной культуры эпохи глобализации.

Причем эта борьба за сферы влияния в культуре является столь же напряженной и острой, какой была борьба за территории и рынки сбыта в рамках индустриальной культуры. Как достаточно цинично отметил представитель Виаккома, корпорации, подчас выступающие в качестве деловых партнеров, разворачивают борьбу тогда, когда речь идет о «получении доступа к 50–60-ти миллионам зрителей и слушателей»¹. В это время, как отмечает президент корпорации SONY в США Г. Стингер, «каждый дом становится полем битвы»². К концу 90-х годов XX в. сферы влияния на рынках культурной индустрии были поделены между шестью крупнейшими транснациональными корпорациями, определяющими мировую информационную политику: SONY, Тайм Уорнер, Уолт Дисней, Сиграм, Ньюс корпорейшн, Виакком³. Характерно, что все они являются владельцами голливудских студий, ставших объектами глобального значения, воспринимаемая их как «мастерские идей», определяющие политику, эстетику и формат всех иных уровней культурной индустрии — спутникового и радиовещания, кабельных сетей, звукозаписи, издательской деятельности. Эта борьба глобального масштаба выступает как борьба за право определять и осуществлять собственную культурную политику.

Шестой существенной тенденцией, сопровождающей формирование монокультурного мира, является распадение естест-

венных связей в культуре и нарушение механизмов идентификации. Это выражается в кризисе и национальной, и политической, и религиозной, и культурной идентичности, когда человек теряет способность сопоставить свой образ мира с общепринятым в рамках этноса, нации, государства, класса или любой иной общности. И как маргинал, он становится легко управляемым. Эти процессы являются общемировыми, но особенно ярко они проявляют себя в России, находящейся в условиях обретения новой идентичности и самоопределения в рамках новых границ, новой идеологии, нового экономического-политического проекта.

Разрушение национальной и этнической идентичности приводит к формированию новых идентичностей, основанных на иных принципах самоидентификации. Так, если в 1960-е годы М. Маклюэн предсказывал объединение человечества при помощи СМК в «глобальную деревню», то практика показывает, что сегодня возрастает количество новых социальных структур, становящихся в ситуации тотальной дезинтеграции наиболее мощным объединяющим фактором. Примером подобных поселений является «деревня фанк», исследованная шведскими авторами К. А. Нордстремом и Й. Риддерстрале. Это — эмоциональное сообщество новых интеллектуалов, основанное на единстве интересов, жизненных позиций или профессиональных знаний, т. е. единстве биографии, существующее в сетевом пространстве. Добровольно объединившись, эти люди образуют новые виртуальные поселения и ощущают общность если не этническую или иную, то эмоциональную общность, основанную на единстве взглядов⁴.

Если говорить о политико-культурной идентичности, то в послевоенный период (и до распада СССР) в развитых капиталистических странах она характеризовалась

¹ Frank R. There is no business like show business // Fortune. N.Y., 1998. №12. P. 48.

² Там же. P. 46.

³ Там же. P. 46–47.

⁴ Нордстрем Кьел А., Риддерстрале Йонас. Бизнес в системе фанк. СПб., 2001.

идеей «свободного Запада», в странах «второго мира» — в терминах социализма, в странах «третьего мира» — в терминах «развития». Сложившаяся в эпоху холодной войны определенность политико-культурной идентичности была разрушена. Сегодня она, как отмечает Н. Стивенсон, замещается феноменом так называемого «культурного гражданства», основанного на общности потребления. Сегодня гражданство, как отмечает автор, оказывается в меньшей степени связанным с формальными правами и обязанностями, и в большей — с потреблением экзотических продуктов, голливудских фильмов, популярной музыки или австралийских вин. «Исключение из потребления этих продуктов означает исключение из гражданства в западном обществе»¹.

Что касается религиозной идентичности, то здесь можно выделить две тенденции. Как считает Р. Селлерс, в рамках первой рационализация и технологизация мира сопрягается с ростом религиозности. В посткоммунистических государствах будет усиливаться борьба между традиционными конфессиями и приходящими извне, в Китае усилится борьба с подпольной религией, в США — между религиозным возрождением и движением к постхристианскому обществу, пришедшему из Западной Европы. Вторая тенденция — это явление религиозного синкретизма, стремление посещать более чем одну церковь (так, в Северной Америке — это 9% американцев). Откликаясь на эти потребности, многие церковные общины используют в своих обрядах сочетание традиций индейских племен, буддистской терпимости ко всем формам жизни, католической веры в ангелов, приверженности мормонов идее общей семьи, ритуалов лютеранской церкви. Наиболее ярким примером подобного синкретизма, как считает автор, — движение приверженцев Нового Века².

Седьмой тенденцией, сопровождающей унификацию культуры, является существенная трансформация национальной специфики мышления под влиянием унифицированного англоязычного новояза. Сегодня распространение английского языка становится условием распространения универсального образа жизни. Английским языком пользуются сегодня в качестве средства общения около 1,5 млрд людей, на английском во всемирной компьютерной сети хранится более 90% всей информации, большинство компьютерных программ и инструкций к ним написаны на английском, английский становится языком мировых технических и научных периодических изданий, языком электроники, медицины и космических технологий. Сегодня, как отмечает Э. Гидденс, мы все хотя и живем локально, но говорим на глобальном языке. Между тем язык — это мощное общественное орудие, формирующее через хранение и трансляцию культуры, традиций и общественного самосознания данного речевого коллектива этнос и нацию. Каждая культура обладает собственным вербальным арсеналом, где понимание происходит, в первую очередь, на уровне интонации и всего комплекса выразительных средств. Само же слово функционирует наиболее оптимальным способом исключительно в определенном языковом контексте, вскрывающем все оттенки его значений, и выступает как исторически обусловленное, где за каждым из них выступает весь образ жизни данного народа с его ценностными приоритетами, его менталитет, национальный характер, традиции, обычаи, мироощущение и видение мира.

Еще одна тенденция развития культуры в глобальном мире — это сопряжение научно-технического прогресса, высшим воплощением которого стала эра электронно-сетевых коммуникаций, с процессом негатив-

¹ Стивенсон Н. Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство // Глобализация. Контуры XXI века. М., 2002. Т. III. С. 5.

² Селлерс Р. Девять глобальных трендов в религии // Глобализация. Контуры XXI века. М., 2002. Т. III. С. 22.

ного развития социальности. Это проявляется в «отставании человеческого фактора от развития информационных технологий»¹. Причиной здесь становится, прежде всего, различие в уровнях владения информацией, а основным принципом неравенства становится неравенство владения знанием. И это, безусловно, негативный процесс. Но само знание и информация сегодня становятся высшими ценностями общества отнюдь не как инструменты постижения истины, а как инструменты реализации всех потребностей. Сегодня человек, приобщающийся к знаниям, руководствуется, в первую очередь, инструментальной установкой на жизненный успех. Точно так же, инструментально, сегодня воспринимается и нравственность, выходящая в этику социально приемлемого поведения. Сегодня можно констатировать огромный дисбаланс между технологическим активизмом и внутренней духовной пустотой порожденного им потребительского общества и «одномерного» человека.

Подведем итоги. Если рассматривать глобалистику как междисциплинарную область научных исследований, где основным предметом изучения является формирующаяся экономическая, политическая, информационная и социокультурная целостность человечества и порождаемые этими глобализационными процессами проблемы глобального масштаба, тогда необходимо признать, что статус глобальности должны иметь и те проблемы, которые связаны не только с нарушением естественного функционирования сферы природы и сферы человека, но и с нарушением функционирования мира, созданного человеком, т. е. мира культуры.

Подобное понимание связано с тем, что такие составляющие духовной культуры, как ценности, смыслы и значения, как картина мира, как характер символического опредмечивания мира, не подчиняются законам прогресса и не поддаются унификации, генерализации и механическому совмещению, как заметили еще неокантианцы. Если такое происходит, можно говорить не о глобализации, скажем, ценностей, а о замене одних ценностей и соответствующих им культурных миров другими, о поглощении одной картины мира, одной символической системы другой. Унификация духовной составляющей культуры приведет к ее стагнации, внешними признаками которой выступят, прежде всего, ее неизбежное упрощение, архаизация и возвращение к неактуальным формам межгруппового общения. Необходимый же запас прочности общественного и культурного развития связан, в большой степени, с разнообразием культур, инновационный потенциал которых может быть востребован в любой момент, как способный противостоять разрушительным тенденциям.

Именно эти обстоятельства и позволяют рассматривать проблему формирования монокультурного мира как одну из глобальных проблем современности. И именно эти аспекты учитываются в таком концепте политической глобалистики, как «новая культура мира», которая основывается на признании многообразия цивилизаций, на толерантности идеологий и политических культур, на отказе от логики конфронтации и утверждении логики компромисса и сотрудничества².

¹ Мельянцева В. А. Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. М., 2000. С. 18.

² Кефели И. Ф. Судьба России в глобальной геополитике. М., 2004. С. 171.